

Часть первая

Новая
Астрономия

Телескопы небывалой мощности показали ей на зеркалах из жидкой ртути неведомые космические глубины. Умершие планеты Сириуса, не до конца сформировавшиеся планеты Арктура, избыточные, но лишенные жизни планеты, что обращались вокруг гигантских Антареса и Бетельгейзе, — она изучила их все, но ничего не нашла.

Полтон Кросс.

На крыльях через космос. 1937

ОДИН

«**В**се может кончиться в любую минуту». Крис Кармоди повернулся на другой бок и обнаружил в незнакомой постели теплый участок: вмятину среди простыней, где еще недавно кто-то был. *Кто-то* — имя пока что от него ускользало, скрывалось за дымкой сновидений. Однако сейчас он наслаждался теплом недавнего присутствия и уже тосковал о той, кто оставила здесь это тепло. Перед мысленным взором появилось лицо — милая улыбка, чуть косящий взгляд. Куда она пропала?

«Все может кончиться в любую минуту». Что это, отзвук отлетевшего сновидения? Да нет же. Он сам записал эти слова в блокнот три недели назад, а произнес их аспирант, с которым он познакомился в столовой Кроссбэнка, за полконтинента отсюда. «Мы тут в некотором роде чудеса творим, однако приходится поторапливаться, ведь все может кончиться в любую минуту...»

Без особой охоты Крис наконец открыл глаза. В противоположном углу маленькой спальни натягивала колготки женщина, с которой он провел ночь. Поймав его взгляд, она робко улыбнулась:

— Детка, только не подумай, что я тебя выгоняю, но ты сам что-то там говорил — мол, нельзя опаздывать?

Вспомнил, ее зовут Лэйси; о фамилии речь как-то не зашла. Официантка в местной сетевой закусочной. Длинные рыжие волосы по нынешней моде, лет на десять младше. Читала его книгу. Во всяком случае, утверждает. Ну, по меньшей мере о ней слышала. Один глаз лишен подвижности, и оттого постоянно казалось, что ее мысли витают где-то далеко. Пока Крис пытался проморгаться, она продела веснушчатые руки в платье без рукавов.

Хозяйкой Лэйси была так себе. На залитом солнцем подоконнике Крис разглядел целую россыпь дохлых мух. На столике рядом с кроватью — небольшое зеркальце, на котором она вчера выравнивала дорожки кокаина. На полу рядом — банкнота в пятьдесят долларов, свернутая так туго, что напоминала нераспустившийся пальмовый лист или необычного вида насекомого-палочника. С одного края банкноту пятнала засохшая кровь.

В Констансе, штат Миннесота, осень только начиналась. Полупрозрачные шторы шевелил мягкий ветерок. Крис наслаждался чувством, что находится сейчас в месте, где никогда раньше не был и куда вряд ли когда-нибудь вернется.

— Так ты правда едешь сегодня в Озеро?

Он взял с тумбочки часы — они лежали там поверх целой стопки журналов. До отъезда оставался час.

— Правда еду.

Интересно, что еще я ей вчера успел рассказать?

— Завтракать будешь?

— Боюсь, не успею.

Показалось — или она вздохнула с облегчением?

— Ну, как хочешь. Все равно классно, что я с тобой познакомилась! Я знаю кучу народа с Озера, но это всякие там лаборанты да официанты. А таких, кто занят серьезными делами, раньше никогда не встречала.

— Я не занят ничем серьезным, просто журналист.

— Вот только прибедняться не надо, ты классный!

— Мне тоже было с тобой хорошо.

— Ты моя лапочка!.. В душ пойдешь? Я там все уже закончила.

Напор воды был слабенький, а в мыльнице обнаружилсядохлый таракан, однако Крис наконец сумел привести себя в порядок. Так сказать, собрать воедино остатки профессиональной гордости. Позаимствовав розовую одноразовую бритву для ног, он соскреб щетину с бледной физиономии в зеркале напротив и, уже одетый, пошел к выходу. Лэйси усаживалась завтракать — яичница и стакан сока — в небольшой кухоньке. Работала она по вечерам, так что в первой половине дня могла отдохнуть. Видеопанель на кухонном столе показывала бесконечную мыльную оперу, однако звук был приглушен.

Лэйси вскочила, чтобы его обнять. Она была ниже на целую голову. Мягкие объятия как бы подтверждали — они друг другу никто, просто вчера вечером вдруг почувствовали притяжение; так почему нет?

— Расскажешь, как оно там, когда снова окажешься в наших краях, ладно?

Конечно, он пообещал рассказать. Хотя снова в эти края не собирался.

Забрав вещи в «Марриотте» — «Восточное обозрение» заботливо сняло ему там номер, вот только он не понадобился, — Крис спустился в вестибюль, где его уже поджидали Элейн Костер и Себастьян Фогель.

— Опять опоздал, — сообщила ему Элейн.

— Совсем чуть-чуть.

— Можно подумать, одно-единственное проявление пунктуальности тебя убьет.

— Пунктуальность — вор времени, Элейн.

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Оскар Уайльд.

— Ты, похоже, решил кончить так же, как и он?

Элейн было сорок девять. Безукоризненный костюм в стиле сафари, к нагрудному карману прицеплен цифро-

вой видеорегистратор, микрофон ноутбука свисает с левой дужки украшенных стразами темных очков, словно непокорный локон. Вид у нее был крайне недовольный. Элейн, лет на двадцать старше Криса, была признанным корифеем научной журналистики, а вот на него самого в этой области в последнее время смотрели довольно косо. Крису нравились великолепные работы Элейн, так что он закрывал глаза на ее тон — так учительница начальных классов отчитывает ученика, подложившего кнопку ей на стул.

Себастьян Фогель, третий член отряженной «Восточным обозрением» экспедиции, скромно стоял в сторонке. Журналистом он по большому счету не был — просто отставной профессор теологии в Уэслианском университете, которому довелось написать одну из тех книг, что время от времени необъяснимым образом становятся бестселлерами. Книга называлась «Господь & квантовый вакуум»; Крис подозревал, что именно модный значок амперсанда на месте «и» в первую очередь и отвечал за ее успех. Журнал решил, что в дополнение к твердому научному подходу Элейн и, условно говоря, «человеческому фактору» Криса было бы неплохо взглянуть на Новую Астрономию с высокодуховной стороны. К сожалению, Себастьян, гений он там или нет, отличался безнадежно тихим голосом. Рот его скрывала борода, и в этом, решил Крис, имеется определенный символизм: те немногие слова, что все-таки находили дорогу наружу сквозь густую поросль, было трудно расслышать и еще трудней понять.

— Автобус, — продолжала Элейн, — уже десять минут как ждет!

Она имела в виду микроавтобус из Слепого Озера, за рулем которого сидел со скучающим выражением на лице молодой функционер министерства энергетики. Крис кивнул, забросил вещи в багажник и занял свое место позади Элейн и Себастьяна.

Был всего час дня, но он почувствовал, как волной накатывает утомление. Глаза устали от солнца: оно тут в сентябре слишком яркое. Или дело во вчерашних излишествах. (Платить за кокаин пришлось ему, однако идея принадлежала Лэйси. Он втянул пару дорожек просто за компанию, но в результате прокуролесил чуть ли не до рассвета.) Ненадолго опустив веки, засыпать себе Крис не разрешил — хотелось все-таки взглянуть на Констанс при свете дня. Вчера они прилетели довольно поздно, и повидал он лишь закусочную, потом небольшой бар, где местная группа исполняла популярные хиты на заказ, да еще квартирку Лэйси.

Надо признать, городок лез вон из кожи, чтобы понравиться туристам. Слепое Озеро стало знаменитым, однако случайным визитерам вход туда был заказан. Любопытные довольствовались Констансом. Некогда это был скромный поселок, элеватор да железнодорожная станция, теперь же он стал базой для гражданского персонала, выезжающего в Слепое Озеро на дневную смену, а новый «Марриотт» и совсем уже с иголочки «Хилтон» время от времени принимали международные конференции или брифинги для прессы.

Соответственно, главную улицу городка оформили в тематике Слепого Озера, проявив при этом больше усердия, чем вкуса и такта. Обрамляющие ее двухэтажные здания были, вероятно, построены еще в середине прошлого века, желтый кирпич, скорее всего, тоже был из местной речной глины, так что все могло бы смотреться неплохо — если бы не безудержная коммерциализация. Взгляд неизбежно наткался на вездесущих лангустов. Плюшевые лангусты, голографические лангусты в витринах магазинов, плакаты с лангустами, лангусты на салфетках, керамические фигурки садовых лангустов...

Элейн проследила его взгляд и все поняла правильно.

— Это ты еще в «Марриотте» вчера не ужинал. Трюфельный, вашу мать, суп с лангустами!..

— Просто люди пытаются подзаработать, — пожал плечами Крис. — У всех семьи, их надо кормить.

— Заработать на чужом невежестве, ага. Только я вообще не могу взять в толк всю эту чушь насчет лангустов. Они даже близко на лангустов не похожи. У них нет никакого панциря... господа, да пусть бы они хотя бы в океане плавали!

— Как-то же их нужно называть.

— Называть как-то нужно, но это еще не повод, чтобы лепить дурацкие картинки на каждый галстук!

Происходящее в Слепом Озере действительно было вульгаризовано до предела, спорить не приходилось. Однако Крис подозревал, что беспокоится Элейн совсем о другом. О том, что у какой-нибудь соседней звезды им за все это сейчас воздастся. Что там под лучами чужого солнца в витринах колышутся пластмассовые шаржи на людей. Что, быть может, ее собственное лицо смотрит сейчас с сувенирной кружки, из которой потягивает неведомую жидкость невообразимое существо.

Пыльный голубой электроавтобус был приписан непосредственно к Слепому Озеру. Водитель на вопросы отвечал скупно, тем не менее к разговорам в салоне прислушивался: пиарщики Слепого Озера не отказались бы исподтишка выведать что-нибудь об их настроениях. Так что беседа не слишком клеилась. В молчании выехали из городка по шоссе, затем свернули на двухполосную дорогу. Сейчас они уже были в закрытой зоне, пусть об этом и не свидетельствовало ничего, кроме знаков «Только для спецтранспорта» и «Собственность министерства энергетики США». Любое неизвестное транспортное средство остановили бы на первом же (замаскированном) блокпосту через полкилометра. За дорогой постоянно наблюдали люди и приборы. Крис вспомнил слова Лэйси: в Озере каждый кролик носит с собой пропуск. Он отвернулся к окну и стал разглядывать проносящийся мимо ландшафт. Стоящая под

паром пашня постепенно уступила место пастбищам, а потом — настоящим лугам, усыпанным цветами. Местность была засушливая, но отнюдь не пустыня. Прошлой ночью над городком бушевала гроза — Крис укрылся от нее в квартирке у Лэйси. Гроза отмыла улицы от грязи, забила канавы мокрыми газетами и палой листвой, а также расцветила прерию поздними осенними красками.

Пару лет назад молнией зажгло кустарник, и степной пожар подступил довольно близко к Слепому Озеру. Тушить его прибыли пожарные из Монтаны, Айдахо, даже из Альберты. В новостях все выглядело очень фотогенично и подчеркивало хрупкость едва оперившейся Новой Астрономии, хотя по большому счету обсерватории мало что угрожало. Ну вот, ворчали тогда ученые в Кроссбэнке, опять все заголовки достались Слепому Озеру. Которое по существу было младшим, но более гламурным родственником Кроссбэнка. От того пожара не осталось и следа — его скрыли прошедшие с тех пор две зимы и два лета. Трава, заросли крапивы, голубые цветочки, названия которых Крис не знал... Завидная способность природы все забывать.

Начали с Кроссбэнка — предполагалось, что там будет проще.

Обсерватория Кроссбэнка была нацелена на биологически активную планету, обращающуюся вокруг звезды HR8832 — вторую от звезды по счету (если не принимать во внимание кольцо мелких планетоидов примерно в половине астрономической единицы от светила). Каменистая планета с железным ядром имела массу примерно в полторы земной и атмосферу, богатую кислородом и азотом. Оба полюса представляли собой сплошные шапки из водяного льда, а иногда температура там падала так низко, что замерзал и CO₂, однако вдоль экватора тянулись мелкие теплые моря над континентальным шельфом, и они изобиловали жизнью.

Вот только ничего особо увлекательного в этой жизни не наблюдалось. Организмы были многоклеточными, но жили исключительно за счет фотосинтеза — эволюция на HR8832/B не удосужилась изобрести митохондрии, необходимые животному царству. Это не означало, что там нет зрелищных пейзажей: речь шла в первую очередь о подобных земным строматолитам колониях бактерий, вздымавшихся иной раз от расстелившихся на морской глади зеленых матов на высоту трехэтажного дома, или о так называемых коралловых звездах, симметричных пятилучевых организмах, плавающих в полупогруженном состоянии, заякорившись за дно.

Новый мир был изумительно прекрасен и в те времена, когда Кроссбэнк был единственной обсерваторией подобного рода, пользовался заслуженным вниманием публики. В среднем каждые 47 земных часов над экваториальным морем разгорался поразительной красоты закат, нередко — среди слоисто-кучевых облаков, что поднимались значительно выше своих земных собратьев, больше напоминая картинки из викторианской рекламы велосипедов. Записи видов с экватора, сжатые до двадцатичетырехчасового цикла для использования в искусственных окнах, держались в моде не один год.

Прекрасный мир, подаривший людям огромное количество знаний по планетарной и биологической эволюции. Оттуда продолжали поступать драгоценные данные. Но мир этот был статичным. На второй планете HR8832 мало что двигалось. Только ветер, океан и дождь.

Кончилось тем, что к нему прилипло название «планеты, где ничего не происходит». Фраза принадлежала колумнисту «Чикаго трибьюн», который считал Новую Астрономию очередной статьей федеральных расходов из тех, что производят на свет эффектные, но никому не нужные знания. Так что у Кроссбэнка были причины остерегаться журналистов. «Восточное обозрение» ухлопало уйму времени на

то, чтобы организовать для Криса, Элейн и Себастьяна недельную экскурсию. При этом сотрудничества им никто не гарантировал, и, вероятно, только безупречная репутация Элейн как серьезного научного журналиста помогла наконец растопить сердца тамошних пиарщиков. (Или же дело было в репутации Криса, из-за которой они поначалу замкнулись.)

В конечном итоге визит в Кроссбэнк прошел успешно. Как Элейн, так и Себастьян объявили, что им удалось с пользой поработать.

У Криса все оказалось не так гладко. Глава департамента наблюдения и интерпретации вообще отказался с ним разговаривать. Лучшую за все время фразу он записал в беседе с аспирантом в столовой: «Все может кончиться в любую минуту». Но и тот вдруг потом наклонился поближе, чтобы рассмотреть имя у него на бейджике, и недоверчиво спросил: «Так это была ваша книга?»

Крис сознался, что да, книга его.

Парнишка понимающе кивнул, встал и, не говоря больше ни слова, отнес поднос с недоеденным обедом к мусорному баку.

За следующие десять минут у них над головой прошли два наблюдательных дрона, и электронный пропуск на передней панели автобуса каждый раз принимался исступленно мигать. Можно только догадываться, сколько они успели миновать блокпостов до того момента, когда автобус остановился перед забором из колючей проволоки, уходившим, извиваясь змеей, в прерию. Из железобетонного КПП навстречу вышел охранник в униформе и жестом приказал остановиться.

Он изучил документы водителя, затем Элейн, Себастьяна, потом Криса, что-то коротко произнес в микрофон, выдал трем журналистам именные бейджики. Наконец махнул рукой, предлагая следовать дальше.